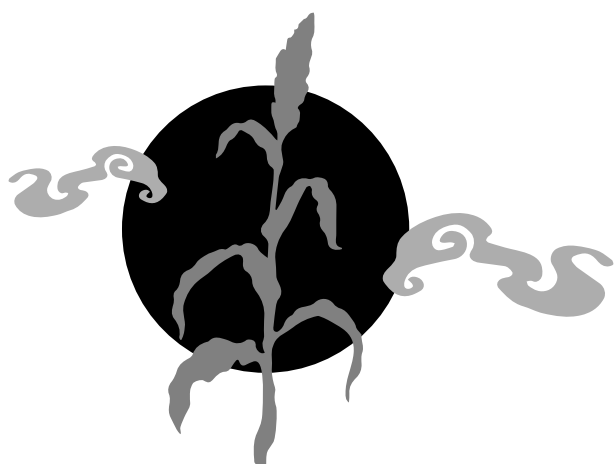




Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

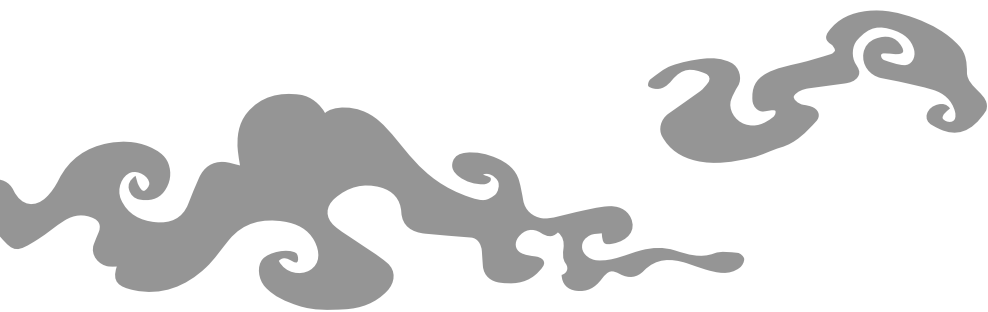
«Страна вина»

«Лягушки»

«Большая грудь, широкий зад»

«Сорок одна хлопущка»

«Устал рождаться и умирать»



МО
ЯНЬ

Красный
гаолян


INSPIRIA
Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan

RED SORGHUM

Copyright © 1987, Mo Yan
All rights reserved

Перевод с китайского *Натальи Власовой*

Мо Янь.

М74 Красный гаолян / Мо Янь ; [перевод с китайского Н. Власовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-208769-1

Грандиозное произведение, охватывающее судьбу Китая с 1920-х до 1970-х через историю одной семьи в уезде Гаоми на фоне непростых политических событий: зверств японцев, борьбы за землю, гражданской войны и Большого скачка под руководством Мао Цзэдуна.

Рассказчик, являющийся потомком героев романа, вспоминает о трагедии своей бабушки, выданной замуж за богатого владельца винокурни. о том, как люди в борьбе друг с другом теряли человеческий облик, но все же находили силы для объединения и настоящих чувств.

Экранизация «Красный гаолян» 1988 года Чжана Имоу стала одним из первых китайских фильмов, отмеченных на Западе.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

© Власова Н., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-208769-1

Эта книга призывает души героев и души невинно убиенных, что блуждают в моем родном краю по бескрайним гаоляновым полям. Я ваш недостойный потомок. Я хотел бы вырвать из своей груди замаринованное в соевом соусе сердце, разрезать его на куски, разложить в три миски и поставить на гаоляновых полях. Отведайте! Примите же мое подношение!

ЧАСТЬ I

КРАСНЫЙ ТАЦУЯН

1

Водна тысяча девятьсот тридцать девятом году, в девятый день восьмого лунного месяца, мой отец, бандитское семья, которому в ту пору шел пятнадцатый год, следовал за отрядом командира Юй Чжаньао, легендарного героя, чье имя впоследствии прогремело на всю страну, чтобы на шоссе Цзяопин устроить засаду японской автоколонне. Бабушка, накинув на плечи куртку на вате, провожала их до края деревни.

— Дальше не ходи, — приказал Юй.

И бабушка не пошла. Она наказала сыну:

— Доугуань, слушайся своего приемного отца.

Мой отец не проронил ни звука. Глядя на бабушкину дородную фигуру и вдыхая жаркий аромат, вырывавшийся из-под куртки, он вдруг ощутил, что холод пробирает его до костей. Он вздрогнул. В животе заурчало. Командир Юй потрепал отца по голове со словами:

— Пошли, сынок.

Границы неба и земли размылись, пейзаж утратил четкость, а нестройный звук шагов отряда доносился теперь издалека. У отца перед глазами висела туманная голубоватая дымка: он лишь слышал топот солдат, но не различал даже их силуэтов. Отец ухватился за краешек куртки командира Юя и проворно перебирал ногами. Бабушка удалялась от не-

го, словно берег, а туман приближался и, подобно морской воде, бурлил все сильнее. Отец держался за командира Юя, как утопающий за борт лодки.

Так отец стремительно мчался по направлению к своему нынешнему безымянному могильному камню из серо-голубого гранита, который возвышается над ярко-алыми полями гаоляна в родном краю. На могиле уже шелестит трава, и как-то раз голозадый мальчонка привел сюда белоснежного козлика. Козлик неторопливо щипал траву, а мальчонка встал на могильную плиту, со злостью помочился, а потом во всю глотку запел: «Заалел гаолян и пришли япошки! Будем мы по ним палить, товарищи, из пушки!»

Некоторые говорят, что этим пастушком был я, а я не знаю, так это или нет. Раньше я всем сердцем любил дунбэйский уезд Гаоми¹ и точно так же всем сердцем его ненавижу, а когда вырос и стал усердно изучать марксизм, то наконец уразумел, что Гаоми бесспорно самое прекрасное и самое ужасное место на земле, самое возвышенное и самое приземленное, самое непорочное и самое грязное, здесь больше всего героев и больше всего ублюдков, здесь умеют пить вино и любить. Старшее поколение тех, кто жил на этом клочке земли, употребляло гаолян в пищу, а потому каждый год его сажали в большом количестве. В восьмом лунном месяце, в разгар осени, необъятные гаоляновые поля превращались в безбрежные кровавые моря. Стена гаоляна блестела на солнце, гаолян нежно, но печально шелестел, гаолян пробуждал любовь.

Дул холодный осенний ветер, солнце припекало, по синему небу плыло множество белых облаков, над полями гаоляна скользили их пурпурные тени. Отряды бордовых фигурок копошились в гаоляновых зарослях, словно плели паутину, и так десятки лет, пролетающих как один день. Они убивали и грабили, шли на жертвы ради своей родины, многоактный

¹ Гаоми — уезд в провинции Шаньдун, малая родина Мо Яня, место действия многих его произведений. Дунбэй — собирательное название областей на северо-востоке Китая.

Часть I. Красный гаолян

героический балет в их исполнении заставляет нас, недостойных потомков, бледно выглядеть на их фоне. Даже в эпоху прогресса я отчетливо ощущаю вырождение.

За деревней отряд двинулся по узкой тропке, и к звуку шагов примешивалось шуршание травы на обочине. Удивительно густой туман постоянно менял очертания. Морось на лице отца собиралась в крупные капли, прядка волос прилипла к коже головы. Он уже привык к скромному аромату полевой мяты и терпкому, сладковатому запаху созревшего гаоляна, который доносился с полей по обе стороны тропинки и уже не казался чем-то новым или необычным. Пока они двигались в тумане, отец уловил какой-то новый тошнотворный запах, смесь желтого и красного, еле различимо просачивавшийся через ароматы мяты и гаоляна, пробуждая воспоминания, спрятанные в самых глубинах его души.

Неделю спустя, на пятнадцатый день восьмого лунного месяца, наступил Праздник середины осени¹. Потихоньку взошла полная луна, а по всей земле гаолян почтительно застыл по стойке «смирно», гаоляновые метелки окунулись в лунный свет, словно в ртуть, и заблестели. В мерцающем лунном свете отец учуял тот же тошнотворный запах, который стал сильнее во сто крат. Командир Юй вел его за руку через гаоляновое поле, где лежали вповалку триста с лишним трупов односельчан, а их свежая кровь оросила гаолян, пропитав землю под ним и превратив ее в грязную жижу, в которой вязли ноги. От вони невозможно было дышать, а свора набежавших полакомиться человечиною собак сидела на поле, уставившись горящими глазами на отца и командира Юя. Командир Юй выхватил пистолет и выстрелил — пара собачьих глаз потухла; он снова вскинул руку — потухла еще пара глаз. Собаки с лаем разбежались и уселись поодаль, рыча с подвыванием и жадно глядя на трупы. Вонь усиливалась. Командир Юй заорал:

¹ Один из самых популярных традиционных праздников народов Восточной и Юго-Восточной Азии, широко отмечается в Китае.

— Ах вы, псы японские! Гребаная Япония!

Он выпустил в собак всю обойму, и в ту же минуту их как ветром сдуло. Командир Юй сказал отцу:

— Пошли, сынок!

И они, взрослый и подросток, двинулись навстречу лунному свету в глубь гаоляна. Запах крови, разливавшийся по полю, пропитал душу моего отца и впоследствии, в более жестокие и безжалостные времена, всегда преследовал его.

Листья гаоляна шелестели в тумане, а Мошуйхэ — Черная река, что медленно текла по этой болотистой равнине, — журчала; звук то усиливался, то стихал, казался то дальше, то ближе. Они догнали отряд, и теперь отец слышал со всех сторон гулкий топот шагов и тяжелое дыхание. Чьи-то винтовки ударялись прикладами друг о друга, под чьими-то ногами хрустели кости. Впереди кто-то громко закашлялся, и этот кашель показался очень знакомым. Услышав его, отец вспомнил огромные уши, которые наливались кровью всякий раз, стоило их обладателю разволноваться. Эти огромные просвечивающие уши с сеточкой сосудов — отличительная черта Ван Вэньи. Он был маленького роста, с крупной головой, вжатой в приподнятые плечи. Отец присмотрелся, взгляд его пронзил густой туман, и он увидел большую голову Ван Вэньи, подергивающуюся от кашля. Отец вспомнил, как Ван Вэньи ударили на плацу и как жалостливо тогда тряслась эта голова. Ван Вэньи только-только вступил в отряд командира Юя. Адъютант Жэнь приказал ему и остальным новобранцам: «Напра-во!» Ван Вэньи радостно топтался на месте, не понимая, куда надо повернуться. Адъютант Жэнь ударил его хлыстом по задку, и Ван Вэньи выругался: «Твою ж мать!» На лице у него застыло непонятное выражение — то ли плачет, то ли смеется. Дети, наблюдавшие за происходящим из-за низкого забора, расхохотались.

Командир Юй подлетел и пнул Ван Вэньи:

— Что раскашлялся?

— Командир... — Ван Вэньи пытался сдержать кашель. — В горле свербит...

Часть I. Красный гаолян

— Пусть свербит, кашлять нельзя! Если ты нас выдашь, башку оторву!

— Слушаюсь! — пообещал Ван Вэньи, но тут же снова закашлялся.

Отец почувствовал, что командир Юй сделал шаг вперед и крепко схватил Ван Вэньи сзади за шею. У того из горла вырвался свист, но кашлять он перестал. Командир Юй ослабил хватку, и отцу показалось, что на шее у Ван Вэньи остались две отметины от пальцев цвета спелого винограда, а в тусклых глазах мелькнула обида, смешанная с благодарностью.

Отряд быстро скрылся в зарослях гаоляна. Мой отец инстинктивно почувствовал, что они движутся на юго-восток. Добраться из деревни до реки Мошуйхэ напрямую можно было только по этой дороге. Днем узкая тропинка казалась бледной — изначально здесь был влажный чернозем, но его давным-давно вытоптали, черный пигмент осел, а на поверхности отпечатались следы коровьих и козьих копыт, похожие на лепестки, и полукруглых копыт мулов, лошадей и ослов; их помет напоминал сушеные яблоки, коровий навоз походил на изъеденные червями лепешки, а козий — на соевые бобы. Отец часто ходил по этой тропе, и позднее, когда в поте лица вкалывал на японской угольной шахте, она не раз вставала перед глазами. Отец не знал, в скольких любовных трагикомедиях, развернувшихся на этой дороге, моя бабушка сыграла главную роль, но я-то знаю. Не знал отец и того, что на черноземе, в тени гаоляна, лежало когда-то обнаженное бабушкино тело, блестящее и белое, словно яшма, — а я знаю.

После того как отряд оказался в гуще гаоляна, туман стал более плотным и менее текучим. Когда тело или поклажа задевали стебли гаоляна, он скрипел от затаенной обиды и ронял на землю одну за другой крупные капли воды. Вода эта была прохладной и приятно освежала. Отец поднял голову, и одна большая капля попала ему прямо в рот. Отец увидел, как в тумане покачиваются увесистые головки гаоляна. Гибкие листья, пропитанные росой, острым ребром, как пилой,

задевали одежду и щеки. Ветерок, что раскачивал гаолян, шлепал отца по макушке, а плеск воды в реке становился все громче.

Отец уже много раз купался в Мошуйхэ — такое впечатление, что он умел плавать от рождения. Бабушка говорила, что он к воде тянется сильнее, чем к собственной матери. В пять лет отец нырял, словно утенок, над водой торчали лишь задранный розовый зад да ноги. Отец знал, что тина на дне реки черная как смоль, блестящая и мягкая, как масло. Пологий влажный берег густо порос серо-зеленым камышом и подорожником цвета гусиного пуха, стелилась ковром пуэ-рария, вверх тянулись жесткие стебли бузины, а на иле отпечатались следы крошечных крабьих лапок. Осенний ветер приносил прохладу, стаи диких гусей летели на юг, выстраиваясь то в линию, то клином. Когда гаолян краснел, целые отряды крабов величиной с конское копыто по ночам выбирались на речную отмель и отправлялись в заросли травы на поиски пропитания. Крабы любят свежие коровьи лепешки и подгнившие трупы животных. Журчание реки напомнило отцу о былых осенних вечерах, когда он с дядей Лю Лоханем¹, работавшим в нашей семье по найму, отправлялись на берег реки ловить крабов. То были ночи цвета сизого винограда, осенний ветер повторял изгибы реки, ярко-синее небо казалось глубоким и необъятным, а зеленоватые звезды светили особенно ярко. Семь ярчайших звезд Северного ковша, ведавшего смертью, Южный ковш, отвечающий за жизнь, Октант, напоминающий стеклянный колодец, лишившийся одного своего кирпичика, тоскующий Волопас² собирается повеситься, а печальная Ткачиха³ хочет утопиться в реке...

¹ Это имя означает «Архат», в буддийской мифологии — человек, достигший наивысшего духовного развития.

² Так по-китайски называется Альтаир.

³ Звезда Вега. В китайской мифологии Волопас и Ткачиха символизируют разлученных влюбленных. Ткачиха, влюбившись в Волопаса, перестала ткать парчу для украшения небосвода, за что Небесный владыка наказал ее, разлучив с любимым.

Часть I. Красный гаплян

Лохань проработал в нашей семье несколько десятков лет, отвечал за производство гаолянового вина на нашей винокурне, и отец таскался за ним по пятам, как за родным дедом.

В душе отца, взбаламученной густым туманом, словно бы зажглась керосиновая лампа. Дым просачивался из-под жестяной крышки. Огонек горел слабо, рассеивая тьму лишь метра на три вокруг. Попад в свет лампы, вода становилась желтой, как переспелый абрикос, но лишь на долю секунды, а потом текла дальше, отражая звездное небо. Отец и дядя Лохань, накинув дождевики из соломы, сидели возле лампы, прислушиваясь к тихому, еле слышному, журчанию реки. С бескрайних гаоляновых полей по обе стороны реки время от времени доносятся взволнованные крики лис, ищущих себе пару. Крабы ползут на свет и кучкуются вокруг фонаря. Отец и дядя Лохань сидят тихо, с почтением слушая секретный язык земли. С илистого дна волнами поднимается зловоние. К лампе подползают все новые и новые отряды крабов, сжимаясь нетерпеливым кольцом. Сердце отца трепещет, он уже готов вскочить с места, но дядя Лохань крепко удерживает его за плечо.

— Не спеши! — наставляет его дядя. — Поспешишь — не отведаешь горячей каши!

Отец усилием воли преодолевает волнение и не двигается. Крабы доползают до лампы и останавливаются, цепляются друг за друга, укрывают землю плотным ковром. Их зеленые панцири поблескивают, глаза вылезают из орбит на тонких стебельках, укрытые панцирями рты выпускают разноцветные пузыри — так крабы бросают вызов людям. У отца аж солома на дождевике встает дыбом. Дядя Лохань командует:

— Хватай!

Отец тут же вскакивает, и они наперегонки с дядей Лоханем хватают каждый за два угла заранее растянутую на земле невидимую глазу сетку, поднимая ее вместе со слоем крабов и обнажая илистый берег. Отец и дядя Лохань завязывают углы сетки и отбрасывают ее в сторону, а потом так же бы-

стро и ловко хватают следующую. Сетки тяжелые, в каждой несколько сотен, а то и тысяч крабов.

Оказавшись вместе с отрядом в зарослях гаоляна, отец мысленно побежал бочком за крабами, ноги не попадали в свободное пространство между стеблями и топтали их, отчего стебли раскачивались и гнулись. Отец так и не выпускал краешек куртки командира Юя: вроде бы шел сам, но при этом его тащил вперед командир Юй. На него навалилась сонливость, шея одеревенела, в глаза словно песку насыпали. Отец подумал, что когда ходил на Мошуйхэ с дядей Лоханем, то никогда не возвращался с пустыми руками.

Отец ел крабов, пока не затошнило, и бабушка тоже. Аппетита не было, но и выбросить жалко, поэтому дядя Лохань острым ножом нарубил крабовое мясо, с помощью жернова для доуфу¹ растер в пюре, посолил и переложил в глиняный чан; получился крабовый соус, который они еще долго ели, но доестъ не успели — он стух, завонял, и остатками они удобрили мак. Я слышал, что бабушка покуривала опиум, но не пристрастилась, поэтому всю жизнь лицо ее оставалось нежно-розовым, словно персик, она пребывала в хорошем настроении, а ум не утратил ясность. На крабовой подкормке маки выросли крупными, с мясистыми коробочками, розовыми, красными и белыми, их сильный аромат бил в нос. В моих родных местах чернозем на удивление жирный и плодородный, а народ здесь живет хороший, моим землякам свойственны высокие устремления. В Мошуйхэ в изобилии водились угри, жирные, как детородные органы, с ног до головы утыканные колючками, такие тупые, что при виде рыболовного крючка тут же его заглатывали.

Дядя Лохань, о котором думал отец, в прошлом году погиб, как раз на шоссе Цзяопин. Его труп искромсали на кусочки и разбросали по округе, предварительно освежевав так, что плоть подпрыгивала и подрагивала, как у огромной ля-

¹ Доуфу (тофу) — творог из соевого молока, традиционный продукт Китая.

Часть I. Красный гаолян

гушки, сбросившей кожу. Стоило отцу вспомнить труп дяди Лоханя, как по хребту пробежал холодок. А еще отец вспоминал, как однажды вечером лет семь-восемь назад бабушка напилась допьяна; во дворе нашей винокурни были свалены в кучу гаоляновые листья, бабушка оперлась на эту кучу, схватила дядю Лоханя за плечи и взмолилась:

— Дядюшка... не уходи... прояви снисхождение... как говорится, не смотри на рыбу, смотри в воду... если не ради меня, так ради Доугуаня... останься... если хочешь меня, так я тебе отдамся, хоть ты мне как отец родной...

Отец помнил, что дядя Лохань отпихнул бабушку в сторону и поковылял в стойло размешать фураж для мулов. У нас дома держали двух больших черных мулов, кроме того, наша семья владела винокурней, на которой производили гаоляновое вино, и в деревне была самой зажиточной. Дядя Лохань тогда не ушел, а остался у нас заведовать винокурней вплоть до того момента, как японцы увели тех двух черных мулов на строительство шоссе Цзяопин.

В этот момент из деревни, которую отец вместе с отрядом оставили за спиной, донесся протяжный крик мула. Отец вздрогнул и широко распахнул глаза, но по-прежнему видел лишь полупрозрачный туман вокруг. Жесткие прямые стебли гаоляна выстроились плотной изгородью за стеной тумана, один ряд переходил в другой, и не было им конца и края. Отец уже не помнил, сколько они шагают по гаоляновому полю, мысли его давно застряли в благодатной речке, журчавшей вдалеке, в воспоминаниях о прошлом. Он не знал, куда они в такой спешке пробираются через дремучий океан гаоляна. Отец перестал ориентироваться на местности. В прошлом году он однажды потерялся в зарослях гаоляна, но в итоге все-таки выбрался, идя на звук реки. Сейчас снова прислушался к подсказкам реки и быстро понял, что отряд движется на восток или юго-восток в ее сторону. С направлением все стало ясно. Кроме того, отец понял, что они собираются из засады нанести удар по японцам и будут убивать людей, как собак. Если отряд и дальше будет двигаться на